

Сословный аристократизм и «новое благородство» в локальном фольклорном дискурсе (на материале черкесской диаспоры Турции)

Мадина Михайловна Паштова

(Университет Эрджиес: Республика Турция, г. Кайсери, Талас,
ул. Ахмета Эль-Бируни, д. 91)

Аннотация. Один из крупных очагов черкесской (адыгской) культуры в Турции — анклав Узун-Яйла — находится в Центральной Анатолии, близ г. Кайсери. Его население составляют в основном представители аристократических этнических групп: кабардинцы, хатукайцы, а также абазинцы, идентифицирующие себя как адыгэ (черкесы) и исторически относящиеся к числу сообществ с развитой социально-классовой структурой. Стереотипные устные тексты, структурирующие социально-классовую идентичность, имеют широкий жанровый спектр: от «классического» фольклора до «разовых» высказываний. Их социально-прагматическая функция претерпела трансформации, продиктованные кризисом внутренних социальных связей, разрушением традиционной сельской общины, урбанизационными процессами. В настоящее время сословная идентичность узун-яйлинцев структурируется неявными формами презентации. При этом мы можем наблюдать два параллельных топика этого дискурса: а) потомственная аристократия vs парвеню; б) благородство по крови vs «новое благородство». Цель нашего исследования — обратить внимание на фольклорно-языковой аспект функционирования дискурса о благородстве, выявить социально-прагматические функции исследуемых текстов.

Полевые материалы собраны автором в течение 2009–2019 гг., вводятся в научный оборот впервые. Исследование актуально в свете дальнейших разработок в области локалистики и регионоведения.

Ключевые слова: черкесы, диаспора, идентичность, благородство, сословие.

Дата поступления статьи: 11 сентября 2019 г.

Дата публикации: 25 марта 2020 г.

Для цитирования: Паштова М. М. Сословный аристократизм и «новое благородство» в локальном фольклорном дискурсе (на материале черкесской диаспоры Турции) // Традиционная культура. 2020. Т. 21. № 1. С. 91–102.

DOI: 10.26158/TK.2020.21.1.006

Черкесская диаспора, рассредоточенная в десятках стран мира, образовалась в середине XIX в. в результате окончания Русско-Кавказской войны и массового выселения в пределы Османской империи [Кушхабиев 2014]. По мнению исследователей, численность черкесов

за рубежом составляет от 3 до 5 млн человек [Кушхабиев 2007, 3]. Наибольшее количество черкесских диаспорных общин находится в Турции. За полутора-вековой период оторванного от исторической территории существования здесь образовалось несколько крупных очагов

черкесской (адыгской) культуры. Один из них — анклав Узун-Яйла — находится в Центральной Анатолии, близ г. Кайсери. Термин «Узун-Яйла», который переводится с турецкого как «Длинное Плато», употребляется нами в более широком, чем географическое, значении: имеется в виду культурный анклав, характеризующийся особыми фольклорно-диалектными чертами. Выходцы из селений анклава проживают ныне в различных городах региона и страны и возвращаются сюда преимущественно в летнее время и на праздники.

Большую часть селений Узун-Яйлы составляют представители аристократических этнических групп: кабардинцы, хатукайцы, а также абазины, относящиеся себя к *адыгэ* (черкесам) и исторически являющиеся сообществом с развитой социально-классовой структурой. Внутренняя социальная иерархия сохранялась в Узун-Яйле и после официальной отмены сословного права в Турции в ходе реформ Ататюрка. По сообщению одного из наших информантов, наемная рабочая сила в Узун-Яйле впервые была использована в 1934 г. (Зап. от Заки Тлигур, 1925 г.р., с. Тлигурхабле, р-н Узун-Яйла, вилайет (далее — вил.) Кайсери. Соб. М. М. Паштова. 2009 г.)¹. Под давлением социально-экономических катаклизмов община пережила кризис межсословных отношений, декларирование принадлежности к тому или иному классу претерпело значительные изменения как в форме выражения, так и во внутренних переживаниях: коммуникативная норма превращается порой в антинорму, положение человека в социальной иерархии балансирует на грани обрушения. Внутриобщинный дискурс структурирования социально-классовой идентичности, как и следует ожидать, еще недавно был полон противоречий и конфликтных суждений. Каким образом в этих условиях трансформируются формы презентации благородства как универсальной духовной ценности, хорошо иллюстрируют отдельные топики

(темы) фольклорного дискурса об аристократии и аристократизме.

Кризис социальной системы узун-яйлинской общины, обусловленный как внешними факторами (реформы Ататюрка), так и внутренними (дисфункция институций вследствие экономических потрясений), повлек за собой необходимость изменения коммуникативных стратегий. С одной стороны, разложение традиционной структурной иерархии, понимание необратимости ее разрушения порождает ностальгический мотив «как раньше уже не будет». С другой стороны, из речи старшего поколения узун-яйлинцев явствует их представление об отходе от упорядоченности социального космоса, движении к хаосу, в первую очередь «беспорядку» этическому и этикетному.

Сопоставление потомственного аристократизма и «нового благородства» имеет свои оригинальные экспликации в фольклоре Узун-Яйлы. Полевой материал — стереотипные устные тексты об истории местных аристократических фамилий, аристократизме и благородстве (*узркъыгъэ*²) — предполагает как минимум два аспекта рассмотрения: социально-исторический и фольклорно-антропологический. Второй относится к одной из самых малоизученных тем в культуре черкесской диаспоры. Будучи одной из эмоциогенных и табуированных, в первые визиты к информанту эта тема не может быть раскрыта полностью. Функции и стратегии (у)молчания как коммуникативного акта в аристократическом дискурсе Узун-Яйлы исследованы в одной из наших предыдущих статей [Паштова 2018, 121–123]. Задача настоящей работы — показать, каким образом стереотипный устный текст формирует представления об аристократизме, влияет на трансформацию суждений о благородстве в современных условиях, образует семиосферу устойчивых представлений об аристократическом духе, стиле жизни, поведенческом типе. Социально-исторический аспект исследования

¹ По этическим причинам имена некоторых информантов в статье не публикуются. Возрастной диапазон — от 40 до 90 с лишним лет, уроженцы анклава Узун-Яйла, проживающие как в местных селениях, так и в городах Турции, подавляющее большинство кириллической грамотой не владеет. Все материалы, использованные для настоящего исследования, хранятся в личном архиве автора.

² От слова *узркъ* (уорк) — благородный рыцарь, дворянин, аристократ.

межсословных отношений, эксплуатационные идеологемы остаются за рамками статьи.

Генезис аристократизма и благородства, их социальная природа и соотношение были объектом внимания выдающихся мыслителей разных эпох (Данте, Ницше, Гете, Банхоффер, Бердяев и др.). Современные исследователи отмечают, что этой теме уделяется недостаточно внимания, а основополагающие идеи этого дискурса, толкование самого философского концепта «благородство» в наследии великих философов часто неверно понимаются [Цендровский 2015, 46–47].

Я.В. Чеснов, говоря о забвении исторической роли аристократии, объясняет причины этого словами А.М. Пятигорского: «Сказывается <...> то обстоятельство, что “с XIV века Европу покинул дух рыцарства, освободив место для капиталистической экономики, Инквизиции и Реформации”» [Чеснов 2001, 178]. О.А. Седакова в лекциях и интервью, ссылаясь в том числе на идеи Данте, Гете, Пастернака и других мыслителей, связывает возможности решения проблем бездуховности современного человека с возвращением к идее аристократизма и так называемого «нового благородства».

Причины скрытости рассуждений о благородстве и аристократизме в поле черкесской диаспоры кроются, как мы уже указали, и в эмоциогенности (эмоциоёмкости) суждений о классовых различиях. Исследуемые нами стереотипные тексты вписаны в дискурсы социально-классовой идентичности, которые, как известно, обладают в определенных условиях конфликтогенным потенциалом. На смену явным формам дискурсивных практик приходят скрытые, актуализируются традиционные формы *опосредованного общения* — через словесные метафоры, аллегории, вписанные в общий контекст фольклорной традиции. Каким образом в процессе изменения коммуникативных стратегий трансформируются сами идеи народной философии, а также прагматические функции текстов, мы попытаемся рассмотреть на материале культуры этого анклава, сравнивая его

в некоторых случаях с текстами материнской традиции.

Ранее мы обращали внимание на то, что специфика социально-классовых отношений считается одним из локально-культурных маркеров узун-яйлинцев [Паштова 2017, 127]. Принадлежность к аристократическим сословиям являлась одной из главных в системе ценностей народов мира, о чем на примере кабардинцев пишет А.В. Кушхабиев [Кушхабиев 2014а].

Итак, перед нами культурный анклав, просуществовавший вне метрополии³ полтора века. Как и во всякой диаспорной традиции, мы можем наблюдать в Узун-Яйле тяготение к консервации «знания, привезенного с родины», стремление сохранить его в неизменном виде. Такое, отчасти сакрализованное, отношение распространяется также и на те социальные институты и явления, которые являются предметом исследования настоящей работы.

Наследуется ли благородство по крови? В основе топика о наследуемости или ненаследуемости благородства лежат две несовместимые на первый взгляд объяснительные модели. Первая основана на понимании благородства/плебейства как совокупности телесных и духовных признаков, передающихся «по крови» (*лэужьыр бжьиблкъ мауэ* — наследуемое бьет через семь колен). Вера в predeterminedность черт характера, образа жизни человека его сословным (фамильным) происхождением основывается на комплексе представлений мифологического характера, формируемых нарративами и паремиями. Предания и присловья этого цикла обладают классическими признаками жанров; понимая фольклор в широком смысле, мы включаем сюда также типологически устойчивые «разовые» высказывания. Как мы увидим ниже, этот топик в большей степени сопряжен с «мягкими» формами дискриминации и эксплуатации. Тем не менее его фиксация и описание важны для понимания «реактивных» рефлексий.

Инструменты мифологизации благородства. Предeterminedность социальной (моральной, этикетной) ошибки, которая рано или поздно будет совершена

³ Поскольку на исторической территории (Северо-Западном Кавказе) не существует единого территориально-государственного образования, которое превосходило бы диаспору числом населения, здесь и далее термин «метрополия» употребляется нами условно.

плебеем, вписана в комплекс представлений потомственной аристократии о том, что благородство вещь наследуемая. Согласно этим представлениям, плебей может получить хорошее образование, его дела могут пойти в гору, он может заработать много денег, занять важный государственный пост, но кровь «даст о себе знать». Эти представления лежат в основе нарративных сюжетов, как «классических» фольклорных, так и более поздних (меморатов, фамильных преданий и др.). Например, история о воспитаннике дворянской семьи, посягнувшем на честь своей приемной сестры (Зап. от Б. Б., 1954 г.р., с. Жаникой, р-н Узун-Яйла, вил. Кайсери. Соб. М. М. Паштова. 2014 г.).

Представления о благородстве «по крови», о наследуемости благородных или плебейских качеств «закреплены» рядом метафор с использованием **соматизмов**. Большинство из них образуется на дихотомиях *тонкий/толстый, нежный/грубый: лъащхэ лувьжъ* — «толстокожие» (о коже верхней части стопы, имеется в виду «простолюдины»), *кэжэр лгэдэкгак'э* — «кажар <беглый раб> с потрескавшимися пятками», *лгэгу цабэ* — «мягкие пятки» (о благородных), *задэ инхъус, псыггъуэ янэс* — «дочь стройная, мать толстоанная» (о благородных).

Символическое соответствие оппозиции *толстый/тонкий* (простолюдин/аристократ) нарушает одна специфическая узун-яйлинская метонимия, которая употреблялась в речи низших слоев для маркирования аристократии: *напщлэ лувнэр* — «толстые (тяжелые, опущенные) веки». Смысл ее объясняется общеизвестным значением фразеологизмов о гордости и кичливости, связанных со словами «веки», «бровь» и символикой смотра прямо в глаза / отведения взгляда: *и напщлэм телгъц* (гордится этим, букв. «лежит у него на веках»), *напщлэр хэшьын* (кичиться, букв. «вытягивать бровь»), *нэгум ицлэмьгэпльын* (выказывать пренебрежение, букв. «не дать заглянуть себе в глаза»).

В обозначении качеств благородного/неблагородного узун-яйлинский фольклорный дискурс использует аллгорию, состоящую из трех элементов: *тхыцлафэр тхыцлафэу, бгъуэцлгьфэр бгъуэцлгьфэу, г'абафэр г'абафэу*. Это три анатомических термина, обозначающие три разные части

(хребтовую и боковые) шкуры крупного рогатого скота, используются как оппози-ты по признакам *прочный/рыхлый, верхний/нижний, передний/задний*, и символически соотносятся с тремя основными социальными прослойками — дворянством, свободным крестьянством и подневольными (Зап. от Н. К., 1926 г.р., с. Мударей, р-н Узун-Яйла, вил. Кайсери. Соб. М. М. Паштова. 2014 г.). Трудночитаемые аллгории, подобные той, что приведена выше (*тхыцлафэ/бгъуэцлгьфэ/г'абафэ*), являются элементами закрытого дискурса и непонятны вне соответствующего социального контекста.

Эти и другие «телесные» маркеры, указывающие на некую предопределенность, обусловленность характера человека его биологической наследственностью, мы можем наблюдать в присловьях, бытующих и записанных также в метрополии (на Кавказе). Например: *Ллэужьыр бжьиблклэ мауэ* («Наследственность через семь колен бьет»); *Мэл уэдыр бгъаишэмэ уи лупэм къоуэж* («Откормишь худую овцу, она ударит тебя по губам»). При сравнении условий бытования паремий мы можем обнаружить, что значение высказывания, закрепленное за ним в метрополии, могло утратить первоначальный социально-классовый акцент, в то время как в исследуемой локальной традиции он сохранился: *Зэхуэмыдэ зэдэфэкъым, зэмьфэггъу зэрьшэкъым* («Неравные вместе не танцуют, несхожие не брачуются»).

Навыки вербального и невербального общения, иносказательные пассажи (*цлаггьбзэклэ, лфэлгьфэклэрэ*), молчание как значимый коммуникативный акт понимаются в виде особого социально-маркированного знания, постепенно утрачиваемого в настоящее время. Аристократический стиль поведения отличает умение делать безошибочный этикетный выбор в той или иной социальной ситуации (говорить или молчать, сказать или про-(у-) молчать, сказать прямо или иносказательно). Именно *неявные* формы проявления классовых характеристик и являются преимущественным способом их демонстрации. «Аристократизм начинается там, — пишет Я. В. Чеснов, — где происходит извлечение именно благородного из всего того, что есть между людьми. В силу этого аристократизм представляет собой как бы модель, *предшествующую* реальному поведению людей,

поэтому в нем наличествует ярко выраженный символический и даже игровой момент. Но такая игра стоит жизни» [Чеснов 2001, 179].

Дихотомия старое/новое. Потомственный аристократы и «новые уорки». Одной из активных тем (топиков) исследуемого дискурса является сопоставление старой (потомственной) аристократии и «новоявленных уорков» (*уэркъыжь/уэркъыщэ*). Потомственная аристократия противопоставляет себя фамилиям, заслужившим дворянское звание в не столь отдаленном историческом прошлом и «получившим благородство от кого-то в дар» (т.е. не завоевавшим героически), при этом отмечаются следующие поведенческие черты «недавних уорков»: говорливость (в особенности на тему собственно происхождения), излишний энтузиазм по поводу престижа и заслуг своей фамилии, доказывание своей принадлежности к высшему классу (*Уэркъым уэркъ дауэ ищыргым*. 'Благородный о благородстве не спорит'). Эта тема оперирует также рядом оценочных критериев, «как отличить благородного от неблагородного» (*цыху кыхэхэ[мы]кар*). Например, знание *хабзэ* (этикета), верность данному слову, почтение к женщине, отношение к деньгам и пр. *Цыху кыхэхэмыкар куэнус, куэнурэ, ицэуыцыхынус* ('Неблагородный когда-нибудь да перейдет на рысь'); *Цыху кыхэхэмыкам езым зыкыуигэциэнс* ('Неблагородный сам даст о себе знать'); *Зыщыпэ джыщыцэмбрыуэнс* ('Где-нибудь его да затянет под воду').

«Перейти на рысь», «затрусить рысцой», «не справиться с течением», «потерять лицо», «выйти из обличья» — индизидательные формулы, за которыми стоят понятия о ряде социальных норм и антинорм.

Трансформация терминов социальной стратификации: от сословного маркера к этическому. Процесс перехода слов из категории терминов социальной

иерархии в категорию этических понятий мы можем наблюдать как на материале фольклора метрополии, так и на полевых материалах диаспоры. Например, слово *унэут* 'раб' в переносном значении обозначает общеизвестный поведенческий, психологический тип, и эта трансформация является универсалией, характерной не только для географически удаленных друг от друга локальных традиций черкесов, но и для других языков и культур. Диаспорный материал дает несколько специфических фразеологизмов на основе этой трансформации. В речи старшего поколения мы можем встретить такие инвективные выражения, как *хьэ унэутыкбуэ* ('собака унаутский сын') и т.п. В переносном значении слово может употребляться в общественно-бытовом, политическом дискурсе для обозначения таких качеств, как приспособленчество, конформизм, неустойчивость к соблазнам и т.п.

Аналогичной трансформации подверглось значение слова *лэхукъуэл* ('лэхукотль', 'тфокотль'). Термин, обозначающий сословие свободных крестьян⁴, с разрушением традиционной феодально-иерархической системы стал использоваться собирательно, им стали маркировать все недворянские сословия: унаутов (рабов), пшитлей (крепостных) и собственно свободных крестьян — тфокотлей. Вторичное значение слова «тфокотль» в узун-яйлинском дискурсе резко отрицательное — плебейский, посредственный, грубый: *лэхукъуэл фызыжь хуэдэ къэтГысауэ и гуащэр еуб* ('подобно простолюдинке расселась и хулит свою свекровь') (Зап. от Д. Ш.-М., 1929 г.р., с. Хатокшукой, р-н Узун-Яйла, вил. Кайсери. Соб. М. М. Паштова. 2018 г.).

Оценочное значение, вкладываемое в стратификационный термин, может быть как негативным, так и позитивным. Так, в одном из рефлексивов⁵ по поводу отличительности родового статуса *лэхукъуэцо кьабзэ* (в лит. яз.: благородный

⁴ Значение «свободный крестьянин» зафиксировано в словарях современного литературного языка, а в советском литературном дискурсе метрополии слово приобрело стойкую позитивную коннотацию.

⁵ Термином *рефлексив (фольклорный)* мы обозначаем краткий нарративный текст, выражающий рефлексию информанта, связанную с общим контекстом народной культуры; рефлексивы включены нами в корпус текстов самоописания локальной традиции, являются частью разного рода объяснительных моделей тех или иных социальных ситуаций — от фольклорно-исторических сюжетов до фактов современной общественно-бытовой жизни.

рыцарь крестьянского происхождения) этические качества информант формулирует как сословно-идентифицирующий маркер: *имык'эзук'э ямы'уэта* — не заплатавшие себя (букв. «о ком не говорили плохо») (Зап. от Али Шогена, 1922 г.р., с. Шигебахой, р-н Узун-Яйла, вил. Кайсерри. Соб. М. М. Паштова, М. А. Табишев. 2011 г.).

Сам термин «уорк» (дворянин, аристократ) широко употребляется в современном черкесском языке для обозначения высоких этических качеств личности, благородного облика, «чистого» образа жизни, поведенческого типа: *уэркъ къабзэр пицым нэхърэ нэхъыф'ис* — благородный уорк лучше, чем князь (Зап. от Ильхана Марзея, 1934 г.р., с. Мударей, р-н Узун-Яйла, вил. Кайсерри. Соб. М. М. Паштова. 2014). В Узун-Яйле этот термин пережил ряд контекстных трансформаций. Вторичное значение слова *уэркъ* обусловлено аксиологическим значением принадлежности к высшему сословию, самоидентификацией бывших крепостных со знатными фамилиями не номинально или по крови, а по духу⁶.

Однако необходимо отметить, что в то же время в Узун-Яйле слово «уорк» в основном значении (дворянин, аристократ) попало в разряд если не табуированных, то малоупотребительных в определенных коммуникативных ситуациях. Неявные, скрытые формы коммуникации требуют опосредованного выражения своего сословного статуса прежде всего по этическим причинам. Если в метрополии (на Кавказе) в постперестроечное время наблюдался всплеск разысканий и демонстрации (зачастую мифологизированной) своей принадлежности к дворянскому сословию, то в Узун-Яйле открытое говорение на эту тему считается одним из главных поведенческих маркеров парвеню.

Метонимической заменой слова «уорк» часто выступает эндоним *адыгэ*, а также такие культуремы, как *ипэрейхэр* ('жившие до нас'), *ипэрей Лыжьхэр* ('прежние старики'), *тхэмадэхэр*, *нэхъыжьхэр*

('тхамалы', 'старейшины'). Стереотипное узун-яйлинское выражение *лээкъыц'э/унэ[гъуэ]ц'э зимы'аһэр* ('не имевшие фамилии') используется обычно как эвфемизм. Необходимо пояснить, что официальные, записанные в паспортах фамилии, производные данные церкесам властями Турции в первой половине XX в., лишь в редких случаях фонетически созвучны с исконными черкесскими. И именно то обстоятельство, что практически все имеют «турецкую» фамилию, но не всегда черкесскую, порождает дискурсивный топик, в основе которого лежит оппозиция *лээкъыц'э/сой'эл* (родовое имя / фамилия по паспорту).

В основе **противоположной интерпретационной стратегии** лежат представления о важности волевых качеств, иерархических инстинктов человека в «добывании» им благородного звания. Анализируя поиски «нового благородства» Данте, О. А. Седакова отмечает: «Благородным у него может быть человек, не обладающий ни чередой знаменитых предков, ни наследственным богатством. Это благородство должно строиться на других основаниях — этических» [Седакова 2018].

В черкесском диаспорном фольклорном дискурсе эта стратегия явно не отрицает наследуемость благородства, и зарождение этих представлений следует искать не в реакциях на разложение социальной системы исследуемой общины. Очевидно, что в тот период (первая половина XX в.) идея «приобретенного», завоеванного, заслуженного благородства лишь вновь активизировалась. На самом деле мы имеем дело с рефлексиями, зародившимися в более раннюю средневековую эпоху и «законсервированными» устной диаспорной традицией. Правильнее было бы сказать, что обе эти идеи («благородство наследуется» и «благородство приобретается»), соответственно и обе коммуникативные стратегии существуют в фольклорном сознании в синкретическом единстве.

Основной императив идеи ненаследуемости благородства, непривязанности его к сословию или классу звучит

⁶ Своеобразные патерналистские связи, которые наши информанты расценивают почти как родственные, сохраняются между крестьянскими и дворянскими фамилиями по сей день. Так, потомки бывших крепостных могут представиться той же фамилией, что и бывшие владельцы, с их молчаливого конвенционального согласия, что не исключает явных и скрытых противоречий в отношениях между представителями разных сословий.

в диаспорном фольклоре в нескольких вариантах. Первый известен также и на исторической территории: *Лыр ллакъуэс* ('Родовитость в мужестве'). Второй, бытующий в Узун-Яйле, условно говоря, «разворачивает» значение первого: *Улмэ уллакъуэс, нэмыс уилэмэ убесльэнс* ('Если ты мужественен, то родовит, если честен (уважаем), то дворянин')⁷.

Сентенция «знатность/благородство в мужестве» восходит к философскому наследию исторического деятеля Кабарды XVIII в. Жабаги Казанок⁸. С его именем связан ряд социальных реформ эпохи правления верховного князя Асланбека Кайтукина. Фольклорная память связывает успехи развития Кабарды в период правления Кайтукина именно с заслугами его советника — Жабаги. Сам образ в его амбивалентном проявлении — «Жабаги исторический / Жабаги фольклорный», «Жабаги-аристократ / Жабаги-простолюдин» — иллюстрирует вышеупомянутое синкретическое понимание благородства. Будучи представителем дворянского сословия, исторический Жабаги Казанок участвовал в войнах и посольствах, однако его фольклоризированный образ, по закону устного жанра, основан на мотиве необыкновенного происхождения героя. Тексты о Жабаги, всенародно любимом и авторитетном герое, фиксируемые в узун-яйлинской локальной традиции, отличаются гораздо более выраженным мотивом неблагородного происхождения в сравнении с циклом, бытующим в метрополии.

Амбивалентность мотива происхождения Жабаги служит универсальным «ключом» к разворачиванию беседы с информантом на тему сословного неравенства. Один из сюжетов о Жабаги, который нам удалось зафиксировать только в Узун-Яйле, вписан в следующую объяснительную модель природы благородства: «от него повелось, что человек перед человеком голову склонять не должен» (*зы цыхум зы цыхум цхьэ*

зрыхуимыгъэтIылъыныр абдей къыц-ригъэжъас) (Зап. от Нарта Тхаркахо, 1943 г.р., с. Мекеней, р-н Узун-Яйла, вил. Кайсери. Соб. М. М. Паштова, М. А. Табишев. 2009 г.). Сюжетообразующий мотив этого предания можно обозначить ключевой фразой «шлейф княгини». Жена Жабаги, ожидающая визита княгини, жены верховного князя Кабарды, спрашивает у мужа совета, как встретить гостью; на что муж отвечает: «Окажи княгине все почести и уважение, положенные такой госте, но шлейф не держи». Этот сюжет, скорее всего, увезен с исторической родины и сохранен в диаспоре. В изданиях фольклорных текстов, записанных в метрополии, и архивных фондах его обнаружить не удалось.

Второй сюжет, который также является одним из структурных элементов топика «благородство не по крови, а по духу», нужно считать местным фольклорным образованием. Группа урков ставит перед Жабаги наполненную до краев чашу с водой, что должно означать «ты здесь лишний». В ответ он достает засушенный цветок розы и растирает ладонями в пыль над преподнесенной чашей, что означает: «я не лишний, сказанное здесь не выйдет за пределы гостиной» (Зап. от Эмина Пшиготыжа, 1936 г.р., с. Жамботей, р-н Узун-Яйла, вил. Кайсери. Соб. М. М. Паштова. 2011 г.)⁹.

«Лишний в гостинном доме» — мотив, характерный для рефлексивов о «новом благородстве». Черкесский гостинный дом являлся (а в диаспоре и по сей день является) своеобразным элитным мужским клубом. Свой/чужой в пространстве гостинного дома — это скрытый стратификационный маркер. Объясняется это рядом социальных (когнитивных, гендерных) компетенций, которые транслируются именно через такую институцию, как черкесский гостинный дом¹⁰. Дихотомия *хъэццэцым иццэта / бом иццэта* (выросший в кунацкой / выросший в конюшне) вскрывает суть объяснительной модели

⁷ В оригинале букв. 'то беслан': термин, обозначающий сословие незнатных потомственных дворян второй степени беслан-урков, а также одну из знатных кабардинских фамилий Беслановых, ответвление княжеского дома Жамботовых.

⁸ О бытовании в диаспоре текстов этого цикла см. нашу статью: [Паштова 2014].

⁹ Сюжет является местным узун-яйлинским новообразованием, основанным на мотиве, заимствованном через восточный (исламский) культурный канал («чаша Багдада уже полна»).

¹⁰ См. об этом нашу работу: [Паштова 2014а].

благородства как статуса приобретаемого, не врожденного. Когда вы записываете «классический» фольклор (увезенные с родины исторические предания, песни-плачи), на вопрос: «От кого ты слышал предания?» информант, как правило, отвечает: «Я слышал это в хачеше (кунацкой) своего отца». «Был у них виночерпием» (*ицхьэгъэрыту саицхьэщыта*), точнее сказать, «обслуживающим застолье старших мужчин» — скрытый социальный маркер («я происхожу из аристократической семьи»). Перечисление семей селения, «у которых был хачеш», также может быть опосредованным способом выражения, когда информант не хочет напрямую говорить «дворянская фамилия».

Важным для понимания трансформации представлений о благородстве является фактор культуры денег: *уэркъым и жьабзэ, и г'атэ, и к'ысэ* (*уоркское красноречие, меч и кисет*) (Зап. от Ата Шигалуго, 1924 г.р., с. Жаникой, р-н Узун-Яйла, вил. Кайсери. Соб. М.М. Паштова. 2010 г.). Кисет (кошель) в данном случае символизирует собой одновременно состоятельность и традиционную рыцарскую щедрость. В исследуемой локальной традиции экономической основой власти аристократии практически до середины XX в. являлось коневодство. Миграционный трафик — сухопутный, через Карс, — по которому шли предки узун-яйлинцев в XIX в., а также выбор места поселения — высокое (1500 м над уровнем моря) плато в Центральной Анатолии — были обусловлены этим видом хозяйственной деятельности, разведением кабардинской породы лошадей. И ностальгические мотивы о «золотом веке» Узун-Яйлы связаны с пониманием того, что власть элиты поддерживалась «лошадьми и крепостными» (*дэ дызыкъуэпсэук'ар ди шьыбзымрэ ди тицыл'ымрэс*) (Зап. от Заки Тлигура, 1925 г.р., с. Тлигурхабле, р-н Узун-Яйла, вил. Кайсери. Соб. М.М. Паштова. 2009 г.). С того времени, когда кавалерия как род войск сошла с мировой арены и турецкое правительство прекратило закупки лошадей у черкесских коннозаводчиков, экономическое положение потомственной узун-яйлинской аристократии существенно пошатнулось.

Навыки обращения с имуществом как непреложным атрибутом власти формируют особую прослойку узун-яйлинской

элиты, которой удалось сохранить и приумножить наследственный капитал теперь уже посредством коммерческой деятельности. Городок Пинарбаши (*Хьэзей*), районный центр Узун-Яйлы, был местом торговли, в нескольких кварталах которого в 1960-е гг. сформировался особый социальный класс. Турки называли жителей этих черкесских кварталов *бяз черкеслер* (букв. «белые черкесы»). В речи самих черкесов это название до сих пор носит легкий ироничный оттенок, в том числе, видимо, и потому, что между отрицающим отношением психологии рыцарства к деньгам и новым видом деятельности представителей черкесской элиты существовал скрытый диссонанс, а также потому, что значительная часть узун-яйлинского дворянства так и не освоила, по их же мнению, культуру денег. На этом фоне вольноотпущенники и незнатные уорки, которые имели опыт и навыки хозяйствования, обработки земли и разведения скота, стали постепенно накапливать капитал и легче интегрировались в новую для черкесов городскую среду.

Неумение обращаться с большими деньгами и имуществом также может ставиться в укор человеку благородного звания: *филэм фытеудэфыхьас* (букв. «принадлежащее вам вас опьянило», т.е. испортило, затуманило разум). И деньги в этом случае понимаются в традиционном стереотипном ключе, как соблазн: *Дыцэ плъыжьрэ куэ плъыжьрэ гупык'ыгъуейс* (букв. «от красного <червонного> золота и от красного <горячего> бедра отказаться трудно»). Как видим, в ряду испытаний благородства стоит также умение обращаться с женским полом. К сожалению, объем и задачи настоящей работы не позволяют подробно остановиться на гендерном аспекте дискурса благородства. Отметим лишь, что почитание женщины, наделение ее гораздо большими свободами считается в странах проживания диаспоры одним из отличительных признаков поведенческого типа черкесов.

Возвращаясь к экономической составляющей изучаемых институций, отметим, что после упадка коневодства во второй половине XX в. приоритетным видом животноводства в Узун-Яйле становится овцеводство. Поддержание традиционных видов контактной коммуникации и горизонтальных социальных связей

через мужские гостиные дома было возможным в первую очередь благодаря этому виду хозяйственной деятельности. В рефлексивах о роли имущества в функционировании *Адыгэ Хабзэ* (адыгского этикета, образа жизни), поддержки «благородного» статуса главы семьи и всей фамилии непременно упоминается такая важная составляющая, как гостеприимство, умение и желание содержать «всегда открытый» гостинный дом. Наряду с тем, что из запасов фуража осенью отделялась часть «для лошади гостя» (*хъэщцIэус арпэ*; букв. «гостевой пищи ячмень»), топливо (керосин и кизяк) для освещения и обогрева кунацкой, из продовольственных запасов семьи выделялся провиант для угощения гостей (мука, сыр, сушеное мясо). На эти же цели шла часть живого поголовья: *по весне от отары сразу отсекали молодых баранов на застолье в гостинном доме* (Зап. от Хаджи-Ахмеда Тоху, 1935 г.р., с. Пазарсу (Мал. Анзорей), р-н Узун-Яйла, вил. Кайсери. Соб. М. М. Паштова. 2015 г.).

В ходе полевых записей в качестве «ключа» для разворачивания беседы на эту тему мы рассказывали, как одного из наших информантов, почти столетнего старика, родившегося в соседней с Узун-Яйлой провинции, всю жизнь занимавшегося коммерцией, в свое время поучал его отец: *«Заботиться о своем кисете и не надеяться на чужой. Узун-яйлинцы глупы — режут целого барана для одного гостя, а в городе не могут заплатить за чашку кофе. В то время как ценой одного барана можно угостить кофе сорок человек»* (Зап. от М. М., 1918 г.р., с. Шеожхабле, р-н Гёксун, вил. Мараш. Соб. М. М. Паштова, Т. Тыгуж. 2015 г.). Немного смутившись таким прагматизмом, граничащим, на их взгляд, с циничностью, узун-яйлинские старики тут же начинали утверждать обратное: адыгство (т.е. благородство, мужество) состоит прежде всего в гостеприимстве. И одним из главных качеств благородного человека многие из них называли в первую очередь щедрость: *шыгъунпастэкIэ фIыр* (на соль-пасту¹¹ щедрый).

Я. В. Чеснов, который высказал важные наблюдения по поводу «личностного»,

«демократического» аристократизма, не зависящего от сословного происхождения, также говорит о гостеприимстве как о важнейшей его составляющей: «В кавказском восприятии аристократизм ассоциируется с институтом гостеприимства. Можно сказать, что это чуть ли не тождественные, взаимозаменяемые, понятия. <...> Появление гостя в кавказской традиционной семье сразу перестраивает ее в аристократическую систему» [Чеснов 2001, 179].

В черкесской диаспоре умение принимать гостей (*хъэщцIэ игъэхъэщцIэфыну*) является и ныне приоритетным в ситуации, когда, например, стоит вопрос о выборе руководителя общественной организации (*хасэ тхъэмадэ*). Это не только обладание определенными материальными ресурсами, но наличие врожденных, правильнее сказать, усвоенных в семье с раннего детства мужских навыков и компетенций.

Как было показано выше, в фольклорной культуре черкесской диаспоры мы можем наблюдать пересечение дискурса социально-классовой идентичности с гуманистической философией благородства, не зависящего от сословного происхождения. Открытость границ социальных прослоек делала возможным выход ценностей элиты за границы класса и восприятие этого поведенческого типа окружающими этническими группами и сообществами как духовных ценностей, характеризующих черкесов в целом. Стереотипические представления соседних народов (турок, арабов и др.) характеризуют черкесскую культуру часто эпитетом *asil* — благородный, аристократический (например, о национальном костюме, танцах, музыке, антропологическом облике). Черкесский тип характера известен в странах проживания диаспоры как «надежный», «стойкий», «рыцарский», что объясняет значительное присутствие черкесов в высшем офицерском корпусе, среди банковских служащих и в других сферах государственной деятельности.

Актуализируя аристократизм как «модель, заброшенную в будущее», Я. В. Чеснов пишет о приоритете *нрава*: «Нрав — аристократическая подлинность. В народ-

¹¹ *Паста* — крутая каша из проса или кукурузы (в Узун-Яйле — из пшеничной крупы), употребляемая черкесами вместо хлеба. *Соль-паста* — формула, соответствующая русскому выражению «хлеб-соль».

ной культуре *аристократизм* сокрыт, он ненавязчив, ибо проявляется поведенчески, а не стереотипно и генеалогично. По-таенный поведенческий аристократизм проявляется также *фольклорным словом*, которое произносится вовсе не от лица говорящего, а отстраненно, как всем известная истина» [Чеснов 2010, 23].

Лингвистический аспект анализа показывает, что концепт «благородство» в языковом мышлении находится в синкретическом единстве с «аристократизмом». И, осознавая многозначность термина *уэркыгъэ* (от дворянского звания до комплекса экспликаций высоких этических норм), носитель актуализирует «новое благородство», связывая его с нравом: *цэн зыхэлъ* (<чистого> нрава).

Вот как пытался выразить свое понимание «благородного» наш информант, являющийся представителем одной из знатных узун-яйлинских фамилий:

И адэихуэр, абы и адэр уэркыуэ кыроуклуэри, езыри уэрк мэхуэр. Ауэ цэныр цыхум зыхилэхъфын хуейс. Уэркыуэ хъэ куэдс, цэн зи цлэ хэмилъуэ. Уэркыыр, си квуэи, феодалитем хэтыуэ кыроуклуэр, цэныр цхэхуэци. <...> Зы уэркэ зы флеигъэ зэрехъамэ, яцлэр — кьуажэм дахунт, амыхъум и унэцлэр, и уэркыгъэр трахынтэкъым. «Хуэфайцэтэкъым» жалэни, ауэ и уэркыгъэр кээнэни (Дед его, прадед уорками были, и он рождается уорком. Но благородный нрав человек должен суметь усвоить. И среди уорков много волков, не обладающих и толикой нрава. Дворянство <уоркское звание>, брат мой, идет вместе с феодализмом, а нрав — это другое. <...> Если какой-либо уорк совершит что-либо мерзкое, что сделают — его

изгонят из селения, но его фамилию, его звание дворянское не отнимут. Скажут «недостоин», но дворянское звание останется при нем) (Зап. от Бюлента Адэжэ, 1963 г.р., с. Тлигурхабле, р-н Узун-Яйла, вил. Кайсери. Соб. М. М. Паштова. 2019 г.)¹².

Понимание обусловленности благородства скорее *нравом и мужеством*, чем словным происхождением, способностью противостоять социальной энтропии (уметь мобилизоваться, терпеть невзгоды, быть справедливым) расширяет поле возможностей человека, обладающего соответствующими социальными навыками и компетенциями, возвышает его статус: *Игъуэр ишичрэ игъуэджэр имыдэмэ лыгъэ жыхуа* *Эр арат* (Сносить тяготы и не выносить несправедливость¹³ — вот что считалось мужеством) (Зап. от Заки Иуана, 1932 г.р., с. Хапашей, р-н Узун-Яйла, вил. Кайсери. Соб. Я. Темель) (опубл. на Facebook 17.08.2015).

Как видим, стратегии декларирования в устной традиции аристократических идеалов как ценностей, выходящих за рамки ценностей отдельного социального класса, исполняют в диаспорном сообществе, наряду с регулятивной, этнопрезентативную функцию. Новый аристократизм, по выражению Я. В. Чеснова, — «...модель, заброшенная в будущее». Возвращение к идее благородства, связанного не с сословным, а с духовным (личностным, «демократическим») аристократизмом, может осмысливаться как инструмент противодействия процессам деантропологизации современного человека, что выводит эту идею из пространства традиционной этнической культуры и приближает к решениям глобальных проблем.

Исследования

Кушхабиев 2007 — *Кушхабиев А. В.* Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры. Нальчик: Эль-Фа, 2007.

Кушхабиев 2014 — *Кушхабиев А. В.* Проблема массового выселения черкесов (адыгов) в Османскую империю (1858–1865 гг.) в работах российских историков // *Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН.* 2014. № 1 (57). С. 137–143.

Кушхабиев 2014а — *Кушхабиев А. В.* Эволюция фактора принадлежности к феодальным условиям в традиционной системе ценностной кабардинцев // *Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН.* 2014. № 5 (61). С. 199–205.

Паштова 2014 — *Паштова М. М.* Жабаги Казаноко в фольклорной культуре черкесов (адыгов) Турции (на материале экспедиций 2009 и 2011 гг.) // *Вестник КБИГИ.* 2014. № 1 (21). С. 66–75.

¹² Текст зафиксирован письменно через Интернет, минимально отредактирован нами (правка технических и грамматических ошибок с учетом местных языковых особенностей, сохраненных самим информантом).

¹³ В оригинале труднопереводимое слово *игъуэджэ* (то, чего быть не должно, с чем нельзя соглашаться).

Паштова 2014а — Паштова М.М. Черкесский гостинный дом: опыт исследования универсальных и локальных культурно-исторических форм // Вестник КБИГИ. 2014. № 4 (23). С. 26–41.

Паштова 2017 — Паштова М.М. К проблеме исследования локальных идентичностей черкесов Анатолии: на материале анклав Узун-Яйла // Матер. II Междунар. науч. конф. памяти М.И. Мижаева «Регионально-локальные традиции и формы идентичности черкесов Кавказа и диаспоры» (Майкоп, АРИГИ, 17–19 мая 2017 г.) / Под ред. М.Н. Губжова и др. Майкоп: АРИГИ, 2017. Вып. 12 (36). С. 126–136.

Паштова 2019 — Паштова М.М. К специфике традиционной внутриобщинной коммуникации: черкесы Турции // Journal of Caucasian Studies (JOCAS) (Кавказоведческие исследования). 2019. № 7–8. С. 115–134.

Седакова 2018 — Седакова О.А. В поисках «нового благородства». Аристократический минимум: школа мышления и действия // Гефтер. 2018. 12.02. URL: <http://gefeter.ru/archive/240191> (дата обращения: 17.04.2019).

Цендровский 2015 — Цендровский О.Ю. Аристократический идеал философии Ницше // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. Вып. 1. С. 46–55.

Чеснов 2001 — Чеснов Я.В. Норма «демократического аристократизма» и социально-культурная стабильность на Кавказе // Традиция разрешения конфликтов на Кавказе и методы институтов гражданского общества: Матер. науч.-практ. конф. Ереван, 2001. С. 178–195.

Чеснов 2010 — Чеснов Я.В. Фольклорный концепт человека // Фольклор и фольклоризм в меняющемся мире: Сб. ст. М.: Гос. институт искусствознания, 2010. С. 14–45.

© М.М. Паштова, 2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Паштова М.М. <https://orcid.org/0000-0002-0720-233X>

Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры черкесского языка и культуры Университета Эрджиес: Республика Турция, г. Кайсери, Талас, ул. Ахмета Эль-Бируни, д.91; тел.: +90 (352) 437-93-42; e-mail: mazako71@gmail.com

Aristocracy and “New Nobility” in Local Folklore Discourse (Based on Materials of the Circassian Diaspora in Turkey)

Madina M. Pashtova

(Erciyes University: 91, Ahmed Al-Biruni str., Talas, Kayseri, Republic of Turkey)

Summary. *One of the large centers of the Circassian (Adyghe) culture of Turkey, the Uzunyayla enclave, is located in Central Anatolia near the city of Kayseri. Its population consists mainly of representatives of aristocratic groups: Kabardians, Khatukays, as well as Abazins, who identify themselves as Adyghe (Circassians). These historically belong to those communities with a well-developed social-class structure. The stereotypical oral texts that structure social class identity display a wide spectrum of genres: from “classical” folklore to one-time utterances. The sociopragmatic function of these texts has undergone transformations dictated by changes in internal social ties, the destruction of the traditional rural community, and the process of urbanization. Nowadays the social class or estate identity of Uzunyayla residents is structured by the implicit and indirect forms of representation. We may observe two parallel themes in their discourse: a) the contrast between the hereditary aristocrat and the parvenu; and b), between “blood nobility” and “new nobility.” The aim of our research is to draw attention to the folkloric and linguistic aspects of the discourse on nobility and to identify the sociopragmatic functions of the texts studied.*

Field materials collected by the author during 2009–2019 are introduced into scholarly circulation for the first time. They are particularly relevant for further development of the field of local and regional studies.

Key words: *Circassians, diaspora, identity, nobility, class.*

Received: September 11, 2019.

Date of publication: March 25, 2020.

For citation: Pashtova M. M. Aristocracy and “New Nobility” in Local Folklore Discourse (Based on Materials of the Circassian Diaspora in Turkey). *Traditional Culture*. 2020. Vol. 21. No. 1. Pp. 91–102. In Russian.

DOI: 10.26158/TK.2020.21.1.006

References

Chesnov Ya. V. (2001) Norma “demokraticeskogo aristokratizma” i sotsial’no-kul’turnaya stabil’nost’ na Kavkaze [The Norm of “Democratic Aristocracy” and Socio-Cultural Stability in the Caucasus]. Traditsiya razresheniya konfliktov na Kavkaze i metody institutov grazhdanskogo obshchestva [The Tradition of Conflict Resolution in the Caucasus and Methods of Civil Society Institutions]: Proceedings of Scien. and Pract. Conf. Erevan. Pp. 178–195. In Russian.

Chesnov Ya. V. (2010) Fol’klornyi kontsept cheloveka [The Folkloric Concept of a Person]. In: Fol’klor i fol’klorizm v menyayushchemsya mire [Folklore and Folklore Studies in a Changing World]. Moscow: Gos. institut iskusstvovznaniya. Pp. 14–45. In Russian.

Kushkhabiev A. V. (2007) Ocherki istorii zarubezhnoi cherkesskoi diaspori [Essays on the History of the Circassian Diaspora]. Nalchik: El’-Fa. In Russian.

Kushkhabiev A. V. (2014) Problema massovogo vyseleniya cherkesov (adygov) v Osmanskuyu imperiyu (1858–1865 gg.) v rabotakh rossiiskikh istorikov [The Problem of the Mass Eviction of the Circassians (Adyghes) into the Ottoman Empire (1858–1865) in the Works of Russian Historians]. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Proceedings of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2014. No. 1 (57). Pp. 137–143. In Russian.

Kushkhabiev A. V. (2014a) Evolyutsiya faktora prinadlezhnosti k feodal’nym sosloviyam v traditsionnoi sisteme tsennoy kabardintsev [The Evolution of the Factor of Belonging to the Feudal Classes in Traditional Value System of the Kabardins]. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Proceedings of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2014. No. 5 (61). Pp. 199–205. In Russian.

Pashtova M. M. (2014) Zhabagi Kazanoko v fol’klornoi kul’ture cherkesov (adygov) Turtsii (na materiale ekspeditsii 2009 i 2011 gg.) [Zhabagi Kazanoko in the Folkloric Culture of the Circassians (Adyghes) of Turkey (as Shown by Mate-

rial from Expeditions in 2009 and 2011)]. *Vestnik KBIGI* [Bulletin of the Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Studies]. 2014. No. 1 (21). Pp. 66–75. In Russian.

Pashtova M. M. (2014a) Cherkesskii gostinyi dom: opyt issledovaniya universal’nykh i lokal’nykh kul’turno-istoricheskikh form [The Circassian Guest House: An Attempt to Study Universal and Local Cultural-Historical Forms]. *Vestnik KBIGI* [Bulletin of the Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Studies]. 2014. No. 4 (23). Pp. 26–41. In Russian.

Pashtova M. M. (2017) K probleme issledovaniya lokal’nykh identichnostei cherkesov Anatolii: na materiale anklava Uzun-Yaila [Regarding Research on the Local Identity of the Circassians in Anatolia: On Material of Uzun-Yayla Enclave]. In: Regional’no-lokal’nye traditsii i formy identichnosti cherkesov Kavkaza i diaspori [Regional and Local Traditions and Forms of Identity of Circassians of the Caucasus and the Diaspora]: Proceedings of the II Intern. Scien. Conf. in memory of M. I. Mizhayev (Maikop, ARIGI, May 17–19, 2017). Ed. by M. N. Gubzhokov et al. Vol. 12 (36). Maikop: ARIGI. Pp. 126–136. In Russian.

Pashtova M. M. (2019) K spetsifike traditsionnoi vnutriobshchinnoi kommunikatsii: cherkesy Turtsii [On the Characteristics of Traditional Intra-Communal Communication: The Circassians of Turkey]. *Journal of Caucasian Studies (JOCAS)*. 2019. No. 7–8. Pp. 115–134. In Russian.

Sedakova O. A. (2018) V poiskakh “novogo blagorodstva”. Aristokraticheskii minimum: shkola myshleniya i deistviya [In Search of a “New Nobility.” The Aristocratic Minimum: A School of Thinking and Action]. *Gefter*. 2018. 12.02. URL: <http://gefter.ru/archive/240191GEFTER> (retrieved: 17.04.2019). In Russian.

Tsendrovskii O. Yu. (2015) Aristokraticheskii ideal filosofii Nittshe [The Aristocratic Ideal in Nietzsche’s Philosophy]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy]. 2015. Vol. 16. Issue 1. Pp. 46–55. In Russian.

© M. M. Pashtova, 2020

ABOUT THE AUTHOR

Madina M. Pashtova <https://orcid.org/0000-0002-0720-233X>

E-mail: mazako71@gmail.com

Tel.: +90 (352) 437-93-42

91, Ahmed Al-Biruni str., Talas, Kayseri, Republic of Turkey

PhD in Philology, Senior Lecturer, Department of Circassian Language and Culture, Erciyes University

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)